

больше, чем какой-то другой. Поэтому апостолами было написано, что они радовались, сподобившись принять ради Бога бесчестье<sup>942</sup>.

По природе Сын Божий захотел из милости стать человеком, дабы пострадать ради тебя, ты же хочешь стать Божьим сыном, а не человеком, затем, чтобы тебе не надо и непотребно было страдать ни ради Бога, ни ради себя самого.

Также, если бы кто-нибудь захотел узнать и постичь, сколь воистину великую радость из-за терпения человека, - когда тот ради Бога терпит страдания и муки, — имеют в своем роде Сам Бог и все ангелы и все, кто Бога знает и любит, то он в силу только этого одного сумел бы обрести утешение. Люди отдают свое добро и претерпевают невзгоды, чтобы утешить Друзей и свою любовь им показать.

И опять-таки нужно подумать: если у человека есть друг, который из-за него пребывает в страдании, в горе и скорби, то, воистину, будет вполне справедливо, если он станет находиться при нем, утешая его своим личным присутствием и словами сочувствия, какие для него только сможет придумать. Потому и говорит наш Господь в Псалтири о праведнике, что Он с ним пребывает в страдании<sup>943</sup>. Из этих слов можно извлечь семь поучений и семь оснований для радости.

Первое, о котором говорит святой Августин, что терпение в страдании ради Бога лучше, ценней и выше и благородней всего, что у человека можно отнять против его воли; все сие есть внешнее благо<sup>944</sup>. Бог - свидетель, не найти такого богатого человека, который, любя этот мир, не захотел бы охотно и добровольно согласиться на тяжкие муки и очень долго терпеть, дабы стать затем всемогущим господином всего этого мира.

Во-вторых, я исхожу не столько из слов, которые Бог произносит, — что Онде с человеком, когда тот страдает, — но я сие извожу изнутри и из сущности слова и говорю: если Бог в страдании пребывает со мной, то чего еще я хочу, чего же мне надо? Если стези мои направлены к благу, то мне ничего другого не надо, ничего, кроме Бога, я не желаю. Святой Августин говорит: «Тот алчен и неразумен, кому недостаточно Бога», — и говорит в другом месте: «Как человеку может хватать внешних и сокровенных Божьих даров, когда ему не хватает Самого Бога?»<sup>945</sup>. И потому он опять-таки говорит еще в одном месте: «Господи, если Ты укажешь нам от Себя, то дай нам другого Себя, ибо мы, кроме Тебя, ничего не желаем»<sup>946</sup>. Посему сказано в «Книге Премудрости»: «С Богом, вечной Премудростью, ко мне вместе все блага сошлись»<sup>947</sup>. Сие толкуется в том смысле, что нет ничего доброго и ничего доброго не бывает, что приходит без Бога; и все, что с Богом приходит, то благо, и лишь потому благо, что оно с Богом приходит. Я хочу о Боге молчать. Изыми у всех тварей этого мира то бытие, что Бог подает, и тогда они останутся голым ничто, безрадостным, лишенным всякой цены, безобразным. Много иных благородных значений несет в себе слово о том, что с Богом приходит всякое благо; было бы слишком долго рассуждать здесь об этом.

Наш Господь говорит: «Я с человеком в страдании»<sup>948</sup>. На это святой Бернарду замечает: «Господи, раз Ты с нами в страдании, то дай всегда мне страдать, дабы Ты был со мною во всякое время, чтобы я во всякое время Тобой обладал»<sup>949</sup>.

В-третьих, я говорю: то, что Бог — с нами в страдании, означает, что Он Сам с нами страдает. Ей-ей, кто истину знает, тот понимает, что я правильно говорю. Бог, Он с человеком